

АЛ. АЛТАЕВ и А. ФЕЛИЧЕ

АТАМАН СТЕПАН РАЗИН

(ОЧЕРК)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ◆ 1920

Первая Государственная Типография.

АЛЫЙ КУРГАН.

(Предание).

Там, где серый ковыль
На просторе степном
Шепчет тайну заветную нежно,
Где под рдяным ковром
Алых маков степных
Дышит вольная степь безмятежно—

Там, далеко в степи,
Есть высокий курган,
И лишь только ночь землю покроет,
Колыхнется туман,
И под броней из трав
Степь зеленая сумрачно стонет:

«Здесь, в моей глубине,
Под зеленым ковром,
Под могучим навесом кургана,
Под замком и на дне
Скрыт волшебный ларец;
В нем могучее сердце Степана.

Как казнен был в Москве
Славный наш атаман,
Стенька Разин, сын Волги и Дона,
Задыхаясь от ран,
Друг его боевой
Схоронил это сердце без стона.

Над курганом степным
Дал он страшный зарок:
По весне, как весна пробудится,
Каждый год в этот срок
Над курганом степным
Стеньки алая кровь просочится.

И оденет ковром
Алых маков степных
Усыпальницу сердца Степана,
И зашепчет ковыль
О словах дорогих,
О словах дорогих атамана:

—«Эй, ты, голь, выходи,
Выходи ты на бой,
Капли крови на старом кургане
Будут светлой звездой, будут стягом святым
И заветом последним Степана».

Ал. Алтаев.

АТАМАН СТЕПАН РАЗИН.

I.

На улицах маленького городка Яика [1]) стоял шум и гам. Шумели особенно калмыки, раскинувшие под Яиком свои кибитки и затеявшие торговлю с «оросами» [2]).

Желтые, скуластые калмыки толпились, божились, клялись, тыкали пальцами в товар, который беспорядочной грудой пестрел среди грязи, объедков и гнилых фруктов южного города. Звучал смех и гортанные приветствия:

— Менду! Менду! [3]).

За городом, по ту сторону реки, темнели калмыцкие кибитки; возле них бродили верблюды и прыгали полуголые дети.

Особенно много народа собралось у крутого обрыва над рекою. Молодой калмык показывал пальцем на гору и кричал на ломаном русском языке:

— О-о! орос... ба-алшой орос... ба-алшой атаман... добрый атаман... много золота обещал... ничего себе не взял... ба-алшой атаман—орос!.. О-о-о!..

Высоко над рекой среди толпы вольных казаков стоял, заломив набекрень соболью шапку, атаман их— могучий Степан Разин.

Во всей его мощной осанке было что-то повелительно-суровое, жесткое и непреклонное; но зато глаз на рябоватом лице Разина, раз увидавши,—никогда не забудешь. Они смотрели в упор, серые, с твердым стальным взглядом, и каждую минуту менялись, и казались они бездонно-глубокими, и прыгали в них какие-то безумные огоньки...

---

[1]) Яик—Урал.
[2]) Русскими.
[3]) Здравствуйте! Здравствуйте!

Глаза смотрели сурово, а губы насмешливо улыбались, и были эти губы пухлые, детски-открытые, с выражением простодушной удали...

К ногам атамана сложили несколько мешков с награбленной добычей. Ивашко Черноярец, эсаул Разина, всем распоряжался. Он разбирал и раскладывал звериные шкуры, пестрые ткани, татарские халаты, кривые сабли и деньги, отнятые у кочевавших под Астраханью татар и у турецкой галеры возле Терека. Узнав о положении своих старинных недругов—татар, калмыки тотчас же явились к Яику, чтобы завести здесь выгодную меновую торговлю, и за сокровища казацкие содержали ватаги «удалых», отдавая им мясо и молоко.

Львиная добыча награбленного по праву принадлежала атаману. Но Стенька с презрением оттолкнул ногою груду блестящих украшений и золота, и все это со звоном рассыпалось.

— Иван!—крикнул густым бархатным голосом Разин:—много раз я сказывал и тебе, и всему кругу казацкому, что я такой же казак, как и вы все, что я равен вам! Скажите мне сейчас: «Уйди, Степан, есть у нас на примете другой атаман, лучше тебя»,—и уйду я, и служить ему стану, как вы все. Не должно быть между нами богатых и бедных,—а не то недалеко будет до бар и холопов, и тогда прости-прощай наша воля-матушка! Ладно ль я говорю, братцы?

— Ладно! Ладно!

— Есть у меня курень на Дону, где тепло и жене, и детям; есть кони, есть одеженка, как и у вас всех, и будет еще! Чего мне?

Толпа выла:

— Возьми, батюшка Степан Тимофеевич, не обессудь... мы завсегда тебя почитаем... возьми...

— Возьми хоть один раз!.. Добыча отменная!..

Стенька сверкнул глазами:

— Не впервой вы меня видите... Не по нраву мне перед другими отличаться. Сказал: делите свои доли по правде-по совести, а мою нищим раздайте!.. Так и будет! Оглохли, что ли?

Соколиным взглядом окинул он всю гору и заметил кучку калмыков, жавшихся в толпе. Они были страшны: из лохмотьев выглядывали скелеты, обтянутые изжелта-смуглой кожей. Жадно смотрели они на богатства, разложенные у ног казачьего атамана. Стенька кивнул им головою:

— Подходите, что ли, косоглазые!

Он толкнул ногою мешки. Из них опять посыпалось добро.

— Ба-алшой орос-атаман... добрый орос... ничего не жалеет... все дает...—визжит молодой калмык.

«Косоглазые» робко подбирали сокровища, толкаясь, ссорясь, готовые исколотить друг друга. А потом начался общий казачий дележ.

Много добра досталось казакам за несколько месяцев. Разграбили они татар; в полон увели многих; разграбили галеру турецкую, а по весне напали на караван патриарших стругов [1]), казенных и купеческих. На одном струге везли ссыльных на житье в Астрахань; всеми овладела ватага удалых Стеньки Разина; ссыльных освободила, с остальными коротка была расправа.

— А, честные купцы,—говорил Стенька:—много вы с голытьбы нажили; надо и с вас голытьбе поживиться. А вы, ярыжки царские, не мало, небось, над людьми Божьими потешились. Стану я по правде, только не по воеводской, а по Божеской, чинить надо всеми суд да расправу!..

Жестока было расправа. Многих схоронила в волнах своих могучая река; другие на мачтах с петлями на шеях болтались. А когда устал Стенька Разин от казней, стал шутки шутить: звонко крикнул он товарищам:

— Разденьте, ребятушки, вон того ярыжку до-нага, в руки ему царскую казну дайте, да оставьте одного на мели думку думать,—и без той казны мы сыты да богаты! А его пусть бояре да ярыжки выручают!

А стрелецким рабочим он сказал:

---

[1]) Больших барок.

— Всем вам воля. Идите, куда хотите. Силою не стану принуждать быть у меня, а кто хочет идти за мной, станет вольным казаком. Я пришел бить только бояр да бога тых, а с бедными да простыми готов, как брат, последним поделиться.

И все, кого он позвал, пристали к его ватаге.

Тут начался целый ряд удач. Послал Стенька в Ца рицын к самому воеводе своего эсаула Ивашку Черноярц требовать наковальню, меха и кузнечную снасть. А д Царицына уже об его делах на Волге дошел слух. Сначал стали было с царицынских стен в казаков палить, да скор бросили: говорили служилые люди после, что оторопь брала стрелков от силы колдуна: ни одна, будто, пушк не выстрелила; весь порох запалом выходил. Говорили другое: будто пушки нарочно так заряжены были... Зна чит, имел Стенька уже в ту пору друзей и в Царицыне. Испугался воевода царицынский и послал с Черноярце атаману все, что тот требовал.

Под Астраханью ранили казаки на стружке воевод боярина Семена Беклемишева, три астраханские стру со стрельцами пристали к ватаге.

Обманом да хитростью овладел Стенька Разин и Яиком Вчетвером со смельчаками-товарищами подошел он к г роду и попросился помолиться Богу. Богомольцев вп стили, а они, войдя, раскрыли ворота остальным казака Недолга была расправа со стрелецким головою, упр влявшим Яиком; в тот же день его казнили.

Летом Стенька разграбил татар и турок, а зиму р шил отдыхать в Яике.

Пока шел на горе дележ, Стенька заметил в тол новые лица.

— Что за люди?—спросил он.

Один из казаков, бывший боярский скоморох [1]) Сокол выступил вперед.

— А, Соколко!—закивал головою атаман.—Добро п жаловать назад к нам, удалым вольным братьям! Кого собою привел, аль попрежнему с домрою [2]), с гуслям

---

[1]) Шут.
[2]) Музыкальный инструмент.

— И с тем и с другим, да еще с кистенем [1]), да с добрыми молодцами!—весело отвечал скоморох.—Чего хочешь—того и просишь: могу драться и домрою, и гуслями, кистенем и силой молодецкою.

— Складную речь хорошо и слушать. А много ли с собою людей привел?

— На трех стругах, атаман, Илюшка Парамонов с Керженца поплыл на Каму.

— А эти кто такие? С тобою, что ли, пришли?

Стенька прищурился.

— Со мной. Верные люди. Один из царского ловчего пути Данило Черный, другой боярский холоп Софонко, этот из раскольничьего скита будет, где от своего боярина хоронился, Бессонко звать, а тот,—Сокол засмеялся,—Богдаш - Поклонник. Расспроси-ка его, атаман, об его поклонном. Чуден он у нас, братцы!

— А ну-ка, сказывай, дядя, что за поклонное такое,—приветливо улыбнулся косматому, уже не молодому мужику Стенька.—Послушаем...

Богдаш погладил бороду и степенно начал:

— Гневлив и крут был у нас воевода. Всякого бил он за правду и неправду. Не бил только того, кто поборами откупался. От Старой Руссы по всей новгородчине о том воеводе молва шла. Приедет это он на село и сейчас приставов шлет на улицу. А пристава вопят: «Эй, народ православный! Такую-то избу пожаловал честью воевода наш боярин великий и ждет он поклона от вас... Ходите и кланяйтесь»... И всякий шел на поклон с подношением: носили кур, гусей, волокли баранов да телушек, а то хлеб да деньги; бабы—холст. А кто шел с пустыми руками аль шел не сразу, тому пристав говорил: «Распоясывай мошну, скаред,—разве не видишь, кто пред тобою сидит?» Ну, тут мужичок воеводе в ноги: «смилуйся, государь!» А воевода сидит гладкий, красный, так и трясется; винищем от него несет за семь поприщ [2]). И учнет стыдить воевода: «Холоп бесстыжий, страдник, рожа твоя неумытая, это

---

[1]) Плетка с тяжестью на конце.
[2]) Верст.

у тебя для воеводы твоего добра нету? Поучи его, пристав, награди за то, что он больно тароват». Ну, и мне таково-то было... После тюрьмы да батогов я еле выправился... Тут уж я в другой раз принес воеводе поклонное... Только перед этим взял жену, детишек, увел в лес, где стояла у реки лодка, а сам зашагал к избе воеводы. Увидал я: сидит в красном углу воевода, бельма от вина кровью налились. А я тут как тут с мешком.—«А, Богдаш,—засмеялся пристав:—видно, хорошо тебя проучила тюрьма-матушка,—поклонное принес». «Да еще какое, говорю, а сам кланяюсь.—Выучился, всему выучился, дай Бог здоровья вашей милости. Дело мое невелико, да воевода крут; свил мочальный кнут»... Переглянулся с воеводою пристав, не знают, к чему я такие слова говорю, а я опять в ноги и положил смиренно мешок, а сам встал у самой двери. Развязал пристав мешок, а там у меня был пес смердящий, удавленный... Ох, смех вспомнить! Воевода и пристав кричат: «Держи, держи», а меня и след простыл... Задами убежал я к жене в лес, а после пробрались мы по Волхову до лесов Муромских. Теперь живет моя хозяйка с детьми на Дону и о поклонном воеводском вспоминает, а я вот здесь,—с удалыми по Каме да по Волге приплыл...

— Что ж,—засмеялся рассыпчатым заразительным смехом Разин.—Не умел шить золотом,—бей молотом;—тоже золото будет!

— Верно, атаман,—подхватили казаки.

— Ну, а ты, друг Софонко, почто к нам на струги попал? От хорошей жизни, я чай?

— Эва, от хорошей,—как-то неохотно, стыдливо отвечал Софонко.—Сказ мой недолог... На великого [1]) нашего боярина беда наскочила,—вытребован он был воеводою к суду и послал он это, вместо себя, меня... Ну вот... Матушка родимая за мною прибежала в губную избу, горазд убивалась... Положили меня в губной избе на брюхо... на скамью... двое сели на голову... двое на ноги... пятый бил прутьями, пока не измочалились все до единого... Я не кричал, а матушка вопила... Так ее за то разложили

---

[1]) Знатного.

на скамейке...—она там и Богу душу отдала, а меня чуть живого домой приволокли. С тех пор я затосковал по кнуту да по боярской ласке, поклонился на все четыре стороны и пошел, куда глаза глядят, да на ватагу удалых и набрел. Вот и путаюсь промеж вас и все жду, когда Господь сподобит с боярином своим встретиться и должок за матушку заплатить...

По горе рассыпался хохот казаков:

— Заплатишь,—и всем мы с лихвою заплатим!.. Ха-ха-ха!.. И на твоей улице праздник будет...

— Это—что!—отозвался молодой голос одного из людей Сокола.—Засечь—что! В прошлом годе довелось мне побывать в Соловках [1]), так там святым отцам, уж на что они благочестивы, и тем невтерпеж стало от ласки царских приспешников. Виданное ли дело: монахи за копья да за дубины взялись, старую веру гонимую отстаивают. Никон [2]) метлою добрался и до обители... Сидели святые отцы в осаде, после многих казнили... Аввакум-свет [3]) туда много своих учеников послал, и все они любовью к вере Христовой до того распалилися, что в леса ушли, в пустыни, скиты выстроили и сами себе ангельский чин огнем честным уготовали...

Молодой раскольник говорил об изуверах-старообрядцах, которые, не подчиняясь правительству, крепко держались своей старой веры и жаждали принять за нее смерть. Едва показывалось вблизи скита царское войско, эти раскольники запирались в кельях и при громком ликующем пении псалмов сжигали себя.

— По что ты был в Соловках?—спросил атаман.

— От боярина хоронился. Крутенек был мой боярин Лыков. Во хмелю на пирушке осерчал он на холопа боярина Троекурова и на месте его положил ножем, а Троекуров меня взамен того убитого холопа взял, да еще с

---

[1]) Соловецкая пустынь.

[2]) Патриарх Никон, исправитель старых богослужебных книг, основатель нового православия.

[3]) Протопоп Аввакум—глава старой веры, почитаемой раскольниками; сожжен за раскол в 1681 году.

вдовой меня хотел перевенчать. А у меня была на селе своя невеста... Я и убег...

Он говорил правду. Таков был закон. Владелец имел право взять взамен своего убитого крестьянина холопа убийцы, причем убийца даже часто не наказывался за преступление.

Плохо жилось тогда русскому народу от тягостей и всякого рода повинностей, от произвола дурных воевод и начальников, от новых налогов после обременительной и несчастной войны с Польшею. Бояре, воеводы без зазрения совести грабили и обирали простой народ, дьяки и приказные засекали крепостных до смерти за малейшую провинность. Когда-то крестьяне пользовались правом переходить свободно с земли одного господина на землю другого. В конце XVI века царь Борис Годунов издал указ, прикреплявший их к земле, где они жили, и отдающий их господину на вековечные времена. Тогда же сложилась известная крестьянская поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!». В Юрьев день (26 ноября) прежде крестьяне имели право переходить на землю другого помещика; теперь они могли освободиться от помещика только убегом, а помещик имел право искать своего беглого крестьянина, но только в течение пяти лет. Царь Михаил Феодорович продлил этот срок до десяти лет, а указы Алексея Михайловича закрепили за помещиком право на крестьянина до самой смерти, на всю жизнь.

Громадным злом для крестьян являлась так называемая «кабала». На Руси издавна было в обычае отдавать себя в залог за занятые деньги или продаваться за известную сумму. Продавали не только себя, но детей и внуков в кабалу на вечные времена по записям. В таких случаях дети кабальных холопов часто убегали от своих господ и, чтобы не попасться им снова в руки, приставали к разбойничьим шайкам, промышлявшим на больших дорогах. Господа жестоко преследовали беглых; дворянин, убивший холопа, редко отвечал перед законом. Ненависть к богачам, воеводам и приказным людям привела к тому, что жители перестали смотреть на разбойников, как на врагов своей страны, лишь бы эти разбойники не обижали

бедняков. Мало-по-малу к ним явилось сочувствие; в сознании народном разбойник сделался образцом удали, молодечества; он как бы мстил притеснителям за угнетенный народ. Разбои увеличились. Нашлось не мало неудачников и молодцов, недовольных судьбою, которые мечтали о привольной жизни, о равенстве и братстве казачества, где не было ни дворян, ни холопов, где власти были выборными.

Шайки бродяг, не желавших повиноваться властям, назывались «воровскими казаками». Первые годы царствования Михаила Феодоровича были заняты борьбою с ними. Казаки сошлись на Волге и были грозою пловцов, потому что нападали на суда. По древнему обычаю Дон давал приют всем, без разбора, и «шиши» [1]) находили себе там безопасное убежище среди старых «природных казаков». «Домовитые» казаки резко отличались от «голутвенных» или «голытьбы». Они крепко жили на Дону, держались старого казацкого братства и по возможности ладили с московским правительством. Голытьба ненавидела московские законы и московские порядки, и ее не манила также и спокойная жизнь на Дону; она искала приволья, мечтала истребить все, что держит в тисках простой народ, и устроить казацкую вольницу. И вот явился человек, который решил осуществить заветные мечты своих товарищей и выступить мстителем за попранные права народа. Это и был Степан Тимофеевич Разин—атаман Стенька Разин, собиравший вокруг себя многое множество удалых молодцов—гроза Волги и Дона.

Атаман встал и обвел глазами новоприбывших; вдруг брови его сошлись, а губы презрительно усмехнулись.

— А это что,—сказал он резко, указывая на прижавшуюся робко к высокому статному парню девушку.—На что она в казачьем стане? Нужны нам бабы? Жена она тебе, что ли? Ведом тебе обычай казачий: мы жен да люлек с ребятами за собою не таскаем,—в куренях, в станицах оставлены.

---

[1]) Беглые крепостные крестьяне.

Девушка, чувствуя опасность, задрожала с ног до головы и опустила глаза.

— Жена тебе, что ли?—допытывался атаман.

— Не жена,—глухо отвечал парень. — Чужая.

— Жениться собрался?

Голос Разина звучал насмешкою.

— Нет, как сестра она мне. Дитей, сироткой круглой на Божедомке [1]) в Москве мальчишкой еще подобрал. Жаль мне девку до смерти. В обиду ее никому не дам.

— Ну, парень,—грознее тучи стал Разин:—а у нас обычай таков. Кто за бабий хвост крепко держится, того, не долго думая, с горы да в воду. Вот и весь сказ. Пусть там на дне милуется с ней, да слюни распускает, да слезы льет жалостливые, а нам таких не надо! Слышал?

— Невозможно это. Неправеден будет твой суд,—вспыхнул парень.—Разве за жалость казнят? Неправеден будет твой суд, говорю, а я к тебе пришел за правдою.

Степан молчал, потом вдруг махнул рукою и сказал, весь как-то просветлев.

— А и смела твоя речь, брат. Ладно, пусть будет потвоему. Утро вечера мудренее. Отведите его в мой курень, и девку тоже. Нынче там много вин да медов у меня есть. Попразднуем да потолкуем. А девку, пока что, в скит надобно...

Проходя мимо них, веселый скомсрох Сокол с восторгом шепнул:

— А и удалой же ты парень, Данило. Не побоялся самому атаману правду срезать... Он любит таких. Ужо погоди,—привольно заживешь среди нас «воровских казаков». Ладно! Брось балясы точить с Анной, идем в курень!..

И он затянул дробным выкриком:

Ах, Пашенька, Парасковьюшка...
Счастливая Параша, таланливая!
Она растворит квашонку на донышке,
Что на донышке, во ведрышке,

---

[1]) Божедомка—от слова «Божий дом». В старину в Москве сирот подкидывали к Божедомке—зданию, где толпились нищие, куда выставляли неопознанные трупы бродяг.

По уторам-то [1]) мука, середи квашни вода...
Три недели квашня кисла, не выкисла...
На четвертую неделю замолаживалась...
Ах, на пятую неделю стала хлебушки валять...
Она по полу валяла, по подловичью катала.
На печи пекла, кочергой сгребла...
Кочергой сгребла, кулаки прижгла...

— Ух, ух, ух, ух!—пошел он камаринским перед атаманом среди обступивших его казаков.

Разин хохотал во всю ширь могучей груди.

После вечерней попойки в курене атамана Данило вышел в клеть к Анне. Девушка сидела у порога, обхватив голову руками, и плакала.

Данило с тоскою прошептал, гладя ее по волосам:

— Полно, Анна,—говорил я тебе: не к добру ты за мной пошла. Что поделаешь... душа мрет от жалости... А прав атаман:—не бабье дело на стругах с удалыми плавать. Кончим дело. Уведу из скита. А пока не тужи...

В клеть вошел Сокол.

— Данило, тебя атаман кличет.

Данило Черный вышел.

Разин сидел с ногами на дорогом персидском ковре. Глаза его были красны от выпитого вина. В курене стоял душный спертый воздух.

— Ну, царский ловчий, иди сказывай, по что с царской службы утек?

— Короток мой сказ, атаман,—спокойно отвечал Данило:—пришел я сюда, стосковавшись по простору речному да по воле молодецкой; разгуляться мне хотелось да душу потешить; пришел я сюда, чтобы заглянуть тебе в очи соколиные и низко поклониться тебе за всю Русь-матушку, за всю голь перекатную, и сказать тебе великое спасибо... Пришел я, чтобы вместе с тобою искать правду Божию, хотя бы довелось идти за ней на край света. А что сила у меня еще есть богатырская,—погляди!

Он засучил рукав и показал Стеньке громадную руку с выпуклыми, точно распухшими мускулами.

---

[1]) По краям.

В глазах атамана засветилось что-то теплое и мягкое. Он улыбнулся и вымолвил с простою сердечностью:

— Исполать тебе, добрый молодец, ин станем жить по-братски.

Черный потянулся и вздохнул всей грудью.

— Хороша воля!..—промолвил он тихо.—Выйдешь это в степь; сладко да привольно дышится, а воздух весь полон медвяных рос, и ковыль волною, ровно море огнистое, переливается от ветра, и солнце на нем играет, и ложится он в разные стороны, ровный-ровный, и всюду цветы алые да лазоревые, ровно очи в душу глядят. А ты идешь, знай себе махаешь поприще за поприщем, а как дойдешь до места,—уж и вечер. Зароешься в стог, лежишь на спине, в небо смотришь, любуешься, а на небе таково-то радостно: раскинулось оно, будто блюдо, золотом полное... Глядишь: Сажар [1])-звезды светятся; от медведя они хранят людей; Чигирь-звезда, как глаз Божий... А там становище басурманское ползет, по которому татарва хаживала от железных гор на святую Русь... Глядишь, глядишь, да и задремлешь... И спишь сладко: в траве кузнечики куют; сеном пахнет; ветерок на ухо сказки говорит...

— Эх, воля!—тряхнул редевшими рыжеватыми вихрами Сокол.—Пришли это мы раз в Керженец, там скитов не мало построено,—все люди старой веры истинной живут, благочестивые. И послали они с нами благословенные образа нашему славному атаману... В Керженце мы путем и людей перехватили, и безвинных выручили, что томились в лютых темницах...

И не видел Сокол, что Разин не слушал его. Лицо его было серьезно и строго. Тяжело было мечту его выполнить, ну, да верил в богатырскую мощь свою, верил в силу народную. Глаза его глядели далеко, сквозь курень, за город, через степи и реки на широкую землю, где томился забитый долголетним рабством народ.

А Сокол в восторге говорил:

---

[1]) Б. Медведица.

— Гляди, Данило,—атаман наш ровно орел: и казнит и милует, как вздумается, а то налетит вихрем и всех прикончит... Взгляд у него орлиный, орлиные и повадки; в плечах—косая сажень, а смеется,—будто жемчуг рассыпается... Стружки у него легкие, хорошо оснащенные, весельца расписные; легко бегут стружки по Волге-матушке, богатой казною нагруженные... И несут они атамана Степана Тимофеевича на радость всей Руси...

II.

Выехав из Яика, Стенька двинулся на юго-запад, вдоль берега Каспия [1]).

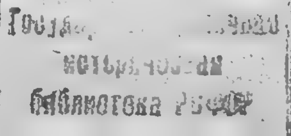
Как безумные носились казаки по морю на своих стругах, от Дербента до Баку, предавая все мечу и пламени. Стенька летел на переднем струге, бросаясь на встречные баржи со своим обычным странным криком: «сарынь на кичку», и тогда начиналась зверская расправа. В прибрежных селениях казаки тоже шарили, казнили некоторых из жителей и «дуванили» между собою их добро.

Летом в Гилянском заливе узнали удалые, что персидский шах готовит против них силу несметную. Тогда Стенька, как и бывало, пустился на обман. Он прикинулся беглецом московского царя и объявил, что хочет отдаться в подданство шаху. Отправил он к шаху послов предлагать ему себя в подданство, а, отправив послов, разграбил и сжег персидский город Фарабат, разгромил увеселительные шаховы дворцы, набрал многое-множество пленных и заложил против Фарабата деревянный городок, где решил зимовать. В Персии было не мало пленных христиан. Не мог равнодушно видеть Стенька, как их провозили по улицам в ярме, скованных, толпами, точно животных; не мог он равнодушно слышать о том, какие муки терпели они от персов. И он решил всех христиан освободить. Некоторых ему удалось освободить силою оружия, других он выкупал в обмен на пленных персов.

По временам казаки делали из Фарабата набеги на соседние острова. Слухи о казацких проделках на берегах

---

[1]) Каспийское море.

Каспия дошли, наконец, до самого шаха, сначала, было, хорошо принявшего послов Разина; бывшие в Персии послы московского царя подтвердили, что казаки—вредные люди, мятежники и разбойники, и шах стал снаряжать против них войско.

Тогда Стенька поспешил во-время убраться на восточный берег Каспийского моря, на Свиной остров, откуда продолжал грабить берега.

В июле на казаков напало семьдесят судов шаха. Завязалась жестокая битва; казаки победили; хан бежал с остатками разбитого войска; его сын и дочь достались победителям.

Не мало потеряли и казаки в этой битве. Пятьдесят человек из них остались на дне моря; многие погибли от недостатка пресной воды, а оставшиеся в живых вернулись из похода больными, с распухшими от соленой воды деснами. Направляясь к устью Волги, казаки ограбили персидскую купеческую бусу [1]), забрали на ней дары персидского шаха для московского царя и сейчас же все это «продуванили» между собой.

В Астрахань Стенька прибыл, окруженный сиянием славы и обожанием людей, которых он спас от неволи. Товарищи возлагали на него громадные надежды, слепо верили в его удаль и в его счастливую звезду. Бояре знали, какое обаяние производит Стенька на простой народ, и решили, что лучше с ним не ссориться. Они боялись атамана и стали с ним вести до поры до времени дружбу.

Сам астраханский воевода Иван Семенович Прозоровский боялся Степана Разина и зорким взглядом окидывал через окошко улицу: все ли там спокойно.

Он видел, что среди пестрой толпы персов, татар и калмыков гордо бродят в своих обшитых позументом кафтанах и золотных шубах казаки, а меж ними не трудно разглядеть богатырскую фигуру в собольей шапке набекрень, фигуру самого Разина.

Атаман хорошо настроен; губы его улыбаются простодушно; и не верится, что этот человек с такой ласковой,

---

[1]) Судно.

почти детской, улыбкой может убивать людей с дикой жестокостью. Смеясь, вывернул он кису [1]) и вытряс последние деньги астраханским попрошайкам. К нему несутся неистовые крики толпы:

— Батюшка наш... Степан Тимофеевич... родной наш...

— Заступник... смиритель всех наших лиходеев...

— Здравствуй, наш батюшка, государь наш... до земли тебе челом бьем, а на челе твоем венец виден, так и светится...

О чем они говорили, Бог весть,—о самоцветных ли камнях на шапке атамана или о чем другом, но Стенька их понял так:

— Никак им не втолкую,—засмеялся он,—что николи царем быть не согласен, а о воле денно и нощно пекусь... Чудно! Норовят меня в царский венец нарядить... Видно, придется и этот последний скинуть: оставлю несколько камешков детишкам своим позабавиться, как приду домой, на Дон!

Он снял шапку, отстегнул от нее несколько камней и бросил ее в руки какого-то калеки:

— Принимай, убогий человек, раздели между всей голодной братией.

Прозоровский слышал, какими восторженными криками любви, обожания провожала толпа этого человека. Жестокий и высокомерный с боярами, Разин был необыкновенно приветлив и ласков с голытьбою. Люди привыкли к иному. Обыкновенно домовитый, разбогатевший казак думал только о себе, делался надменным даже с роднею, которая была беднее. Стенька Разин, казалось, жил не для себя, а для других.

Вот воевода ясно слышит, как Стенька говорит толпе:

— Эх, братцы! Мститесь теперь над вашими мучителями, что хуже турок и татар держали вас в неволе; я пришел даровать вам льготы и свободу. Вы мне братья и дети, и будет вам талан да удача, коли пойдете за мною и не побоитесь гнева мучителей.

---

[1]) Кошель.

— Не побоимся, батюшка... Степан Тимофеевич... Государь наш... Заступник... За тобой пойдем... куда повелишь... в огонь... в воду пойдем!..—кричала в ответ толпа.

Воевода, хмуря брови, отошел от окна. Нехорошее, недоброе предчувствие неизбежного сжало ему сердце. Но он сдержал себя, и с прежней веселой улыбкой вернулся к беспечно пировавшим гостям.

В начале сентября казаки отправились на Дон на речных стругах, под охраною царских служилых людей. На прощанье астраханские власти взяли с них клятву, что они на пути не будут никого сманивать с собою на Дон и не примут тех, кто станет сам к ним проситься, чтобы не навлечь на себя гнева царя.

Перед отправкой из Астрахани Стенька устроил на своей кошме прощальный пир.

Была теплая, почти летняя ночь. Ярко поднялась луна над белыми стенами кремля; черными и таинственными казались виноградники Солончака. В Волге отражались звезды, и в воде были они похожи на крупные золотые бусы. На темном небе причудливо поднимались белые зубцы стен. В прибрежных камышах слабо шелестел ветер. Лодки и баржи тихо скользили по недвижной глади реки, слышались широкие взмахи весел и всплески воды.

Плывет лодка, пересекая длинный, струящийся столб луны. Издалека льется в небо и рвет на части сердце заунывная песня:

— Ах, ты, ноченька,
Да ночка темная...
Что ты, ноченька,
Призабурилась...
Красна девица
Да призадумалась...

Я сама, сама
Виноватая,
Назвала дружка
Горьким пьяницей,
Горьким пьяницей да бездомницей...

Еще один взмах весел, и они застывают, высоко поднятые, как крылья. Волны легко и ласково бьются о борт. Лодка тихо толкается носом в струг. Веселый голос с лодки повторяет, шутя, оклик мирных бурлаков:

— Мир, Бог на помочь!

Со струга со смехом отвечают:

— Вам Бог на помочь!

Могучий голос Стеньки Разина выделяется из общего гула:

— Сарынь на кичку! Слышу Соколкин голос! Что привез, непутевый человек?

Сокол весело отвечает:

— Ах, приехал, да приехал
Развеселый, непутевый,
Ах, привез он, да привез он
Много зелена вина...

— Вот тебе, атаман, и рыба, и вино, и сласти, чего твоей душеньке угодно. Астрахань белая челом тебе приказала бить...

— Да скорее отчаливать, правда, Соколко?

— Твоя правда, батюшка Степан Тимофеевич...

— А я скоро назад вернусь,—молвил Стенька и задумался, а потом разом тряхнул кудрями и закричал во всю ширь могучей груди:

— Гей вы, детки, собирайтесь к атаману на кошму! Тащите гостинцы астраханские! Заведем песни веселые, устроим себе проводы!

На кошме был разостлан громадный ковер, а на том ковре сидела персидская княжна. Опиралась рукою она на шкуры собольи, а голову положила на колени к атаману; Стенька ласково и любовно заглядывал в ее полузакрытые утомленные очи. Любовался он ее черными косами, завивал их меж пальцев, глаз оторвать не мог от густых длинных ресниц, что бахромою падали на нежные щеки, от алых губ, из-под которых сверкали, как бурмицкие зерна, ровные и блестящие зубы... При свете луны и тусклого фонаря золотом переливалось шитье на груди княжны, ярко блестели на нем самоцветные камни, струились складки широких шаровар.

Она много плакала, когда попала в плен к казакам, тосковала по отце и родном городе, боялась грубого голоса атамана; пугала ее и зверская расправа казаков, ужас и разоренье, что несли удалые с собою. Потом она стала думать, что от Стеньки зависит ее свобода и свобода ее брата, и в хитрой женской душе шевельнулась мысль покорить сердце грозного атамана, опутать своими чарами, как золотой цепью.

Свобода! Свобода! Сколько ночей напролет мечтала она о ней; как грезилась ей родная земля и родное бирюзовое небо... Бережно, кропотливо принялась княжна вить золотые путы Стеньке, но скоро запуталась в них сама. Могучий атаман покорил сердце персиянки, потому что она родилась рабою и могла любить только трепеща перед повелителем, как раба. И знала она теперь хорошо, что уже не уйдет от Стеньки, еслиб он даже предложил ей свободу. Забыла княжна о родине; ее родиной стала родина Стеньки Разина; она хотела жить только там, где жил он. Тогда сузила княжна круг своих мечтаний и стала думать только о свободе брата. Она поручит ему передать отцу бирюзовые четки с большим узлом на конце и поклон родным местам. Она будет жить и умрет возле Стеньки. Слышала она, что у атамана есть где-то в Донской земле жена, но об этом она не тужила: разве мало жен было у ее отца в Персии...

Видела княжна, как при взгляде на нее загорались глаза атамана, замечала, что голос его становится ласковым, когда говорит с ней, и она твердила нараспев, сладко и нежно, единственное русское слово, которое успела выучить, и придавала ему особенный смысл:

— Га-аспадын... га-аспадын... га-аспадын...

Атаман наклонился к ней ближе, и глаза его сверкнули понятным ей огнем:

— Что, басурманка?—засмеялся он шутливо и пьяно.— Чего хочешь? Все дам, чего ни спросишь... Ожерелье яхонтовое... телогрею травчатую [1]... аль терем боярский..? Проси, басурманка...

---

[1]) С рисунком в виде трав.

Она ничего не поняла, но засмеялась счастливо, обняла его колени и припала к ним черными косами.

А Стенька повел красными от вина глазами в сторону Астрахани и погрозил кулаком.

— Будьте прокляты, лиходеи все,—хрипло прошептал он и опять обратился к персиянке. — Ты вот не понимаешь меня, басурманка... а я бы тебе порассказал, что на Руси делается... Ну, да оно и лучше, что не понимаешь... Слушай, басурманка... Мирно я жил когда-то с двумя братьями, о набегах, да о битвах и не помышлял... пошел старшой брат на службу царю московскому, доброй волею, по охоте своей... В те поры был поход против ляхов. Стал проситься брат у князя Долгорукова: «Отпусти нас, казаков, на родину, захотели мы вернуться на тихий Дон». Отказался князь, разгневался... Тут мой брат ушел домой без дозволения, и ушел он со всей вольницей... Ну, догнали казаков слуги царские и вернули всех силою. Осудили на смерть брата старшего, наградили его хоромами— двумя столбами с перекладиной...

Стенька понизил голос почти до шопота:

— Вот в те поры мы с братом Фролкою поклялися перед иконою отомстить всем лиходеям злым. И клялись мы бить племя боярское, выводить его, как траву сорную, выводить с корнями и ветками... Оттого мне не жаль отродья боярского; оттого про меня слава далеко идет: нет страшнее для бояр Стеньки Разина!..

Княжна услышала знакомое, грозное, любимое имя и засмеялась серебристо и рассыпчато. Атаман погладил ее по волосам.

— Глупая... смеется, ровно смыслит что... Э-эх, басурманка, думаю я думушку, что настанут скоро на Руси иные дни, когда все будут равны, как у нас на Дону, когда ни у кого не будет богачества, но зато не будет и нужды лихой. И случится то, когда удастся Стеньке Разину со всем боярством на Руси расправиться... Да, не смейся ты, глупая... ведь все равно не понимаешь, что говорю... И за это, басурманка, не пожалею я сложить головы своей...

Он широко улыбнулся и еще ниже склонил к ней хмельное лицо, шепча о мечтах своих, смеясь над ее непониманьем и покорной любовью...

Казацкая вольница во-всю пировала на кошме своего атамана. Много было уже съедено; много было выпито; много спето песен. Соловьем заливался Сокол:

— Ой, жги, жги, говори!
Рукавички сафьяновые!

Сокол был совсем пьян и едва держался на ногах. Ударяя в накры[1]), он топотал на одном месте, раскачивался и пел хриплым голосом:

— Ой, жги, жги... ох, не могу! Моченьки, братцы, не стало!

Хороша была голубая лунная ночь, и от реки веяло чудной свежестью. Уныло сидел на корточках молодой персидский князь, нахлобучив на самые глаза баранью шапку. Бешено звенели и падали чарки... Казаки смеялись пьяным смехом, а княжна ласково думала, лежа у ног своего господина:

— Подожди, милый брат, не тоскуй... скоро ты будешь свободен... а сестра твоя останется здесь... Га-аспадын... га-аспадын...

И уста ее улыбаются.

В разгар буйного веселья метнулся в полосу света Сокол; был он красен от вина, едва держался на ногах, и язык его заплетался. Он взглянул в сторону атамана и захохотал во все горло:

— Славно ты нас учил уму-разуму, атаман! Славно чинил над казаками суд и расправу! Не гоже, говорил ты, казаку с бабой возиться, а теперь сам позабыл, что тебя на Дону жена с детьми дожидаются... с полонянкой душу отводишь, ха-ха-ха-ха!..

Не понимает княжна речь Сокола, но видит, как потемнело лицо Стеньки Разина, как он отодвинулся от нее, точно ужаленный... И дрогнула ее голова, и удивленно взглянули очи, а рука, что ласкала его кудри, неподвижно упала на колени...

---

[1]) Бубны.

Стенька встал, и кровью налились его очи. Таким видала его княжна во время сильного гнева, и всегда искал он в те минуты, где пролить кровь.

Среди казаков кто-то громко засмеялся.

Стенька обвел всех мутным пьяным взглядом, но ничего не ответил. Он выпил много и едва стоял на ногах. Шатаясь, подошел он к борту и нагнулся над рекой. Русые кудри упали ему на лицо. Он досадливо отмахнул их и крикнул во всю силу своего богатырского голоса:

— Ах ты, Волга-матушка, река великая! Много ты мне дала и злата, и серебра, и всего доброго! Как отец и мать, славою и честью меня наделила, а я тебя еще ничем не отблагодарил... на же возьми!..

Тяжело шагая, подошел он к полонянке и нагнулся к ней. Темно было лицо атамана, как грозовая туча.

Испуганно зашептала княжна:

— Га-аспады... га-аспадын...

Побелели губы княжны; очи раскрылись широко, поняла она эти малопонятные его речи... Видела она, как поднялся ее брат, белее снега, и закричал от страха, и кто-то метнулся к ней... Больше ничего не видела она: сильные руки Стеньки крепко держали ее; широкая грудь заслонила от нее весь свет.

Из толпы казаков вдруг выскочил Данило Черный и прыгнул к атаману, схватив его за руку.

— Побойся Бога,—сказал он.—Что собрался сделать? Ведь живое это тело, Богом сделанное... к чему губить?.. Коли не надобна она тебе,—пошли ее лучше к отцу...

Еще грознее сдвинулись брови Стеньки, сердито заревел он, и этот рев далеко раскатился по реке:

— Брось! Атаман я вам, что ли, дурни?

И рука Черного бессильно опустилась, послушная воле атамана, и высоко взметнулась персидская княжна; в лунных лучах задрожали, засверкали, заискрились самоцветные камни ее золотого шитья. Раздался жалобный крик, плеск реки, а потом все смолкло, и волны навсегда сомкнулись над головою полонянки...

Как осиновый лист дрожал молодой перс. Стенька устремил на него тяжелый тусклый взгляд.

— И этого, что ли?—спросил он и вдруг расхохотался.— Зачем? Еще с ним потешимся! Эй, ты, чортов сын, пляши на поминках сестры, пляши, пока не грохнешься, а то кину в реку! Накры, домры, сурны! Все черти сюда! Схоронили мы княжну, сомам на потеху бросили! Эй, басурман, пляши, якши будет, «гкарашо»!—передразнил он перса.

И бледный дрожащий князь начал свою пляску. Страшна была эта пляска. Поднимались медленно ноги в шароварах, поднимались и опускались, как будто перса дергали за нитки; глаза его застыли от ужаса.

Он плясал и плясал с лицом мертвеца, задыхаясь от отчаяния, пока не упал на пол кошмы без чувств... Так спас свою жизнь молодой персидский князь... Стенька Разин ткнул его ногой подальше, чтобы не мешал разгулу... Атаман хрипло кричал:

— Эй, Сокол, Бессонко, черти, пляшите! Пляшите, и я с вами!

— Ой, жги, жги, говори!..

Ух-ух-ух-ух-ух!..

Под топот казацких ног накры, домры и сурны выли, и люди вертелись в бешеной пляске, справляя поминки по пленной персидской княжне... Стенька Разин, опьянев, повалился ничком на ковер и заснул, как убитый...

III.

Хоромы астраханского воеводы стали походить на монастырь. В них ждали беды неминучей, жгли лампады, курили ладаном, постились, изнуряли всячески плоть, ходили на цыпочках и говорили шопотом, служили без конца молебны... Время было страшное...

Часами сидел воевода Прозоровский у стола перед окном, подперев голову руками, и тяжелая дума не сходила у него с лица.

Кругом собирались грозные тучи... По всему Поволжью летали подметные письма Стеньки Разина, и говорилось в тех письмах, что идут на Поволжье войска царские с боярами-лиходеями, идут бить, морить простой народ, а он, Стенька Разин, пришел даровать всем волю-вольную,

даровать всем права равные. Кто пойдет за ним, тот будет награжден богатой казной и великим счастьем...

В апреле вверх по Волге из Астрахани в Царицын было отправлено небольшое подкрепление, и князь Прозоровский приказал готовить сорок стругов, чтобы быть наготове выступить против Стеньки Разина.

Разные слухи ходили о казацкой вольнице. Говорили, что Стенька Разин на Дону на острове заложил городок Кагальник;—сюда перебрался брат его Фролка, жена Стеньки с детьми. Здесь собирал атаман голь перекатную с Хопра, Волги и Запорожья и скоро набрал рать немалую, числом около трех тысяч. Всех он оделял, всем сулил золотые горы, а сам, хоть и слыл атаманом их, жил в земляной избе, как и все его товарищи. Жил он здесь тихо, никого не грабил и устроил мирную торговлю с купцами, ехавшими из Москвы.

Весна погнала Стеньку бродяжить. В мае двинулся он вверх по Дону, где к нему пристал удалец Васька Ус, четыре года тому назад прославившийся грабежом вотчин боярских по воронежским и тульским украинным местам. Разин сделал Ваську Уса своим эсаулом. Они разгромили орду калмыков, блуждавших между Доном и Волгою, отогнали у них скот для прокормления своей ватаги и двинулись к Царицыну. Царь был недоволен волжскими воеводами, струсившими перед казаками, и послал в Астрахань выговор, а воеводу царицынского Унковского совсем с воеводства снял и назначил туда нового крутого и нетрусливого воеводу Тургенева. Но никакая уже храбрость воевод не могла спасти городов волжских от сдачи атаману казацкой вольницы; письма Стеньки Разина и его «прелестники», ходившие в народ сманивать его в войско казацкое, сделали свое дело и приготовили по всему Поволжью много друзей Разина.

Ужас охватил бояр, служилых людей и духовенство в Астрахани, когда туда из-под Камышина притащился волоком промышленник Дубенский с вестью, что Царицын добровольно сдался Разину, а вслед за ним сдался и Камышин. Храбрый Тургенев не мог отстоять городскую башню, она была взята, а самого воеводу с племянником утопили.

Казакам сделали почетную встречу и знатную попойку; духовенство вышло к ним с хоругвями. Московских стрельцов, посланных на защиту низовых городов, казаки перебили, а оставшихся переманили на свою сторону. Камышином завладели хитростью, выдав себя за людей, присланных из Москвы; овладев городом, устроили страшную свалку и резню: воевод и приказных калечили и топили, богатых купцов грабили.

Простой народ благословлял приход Разина; в нем видели спасителя, поборника прав обездоленных.

Эти вести произвели в Астрахани переполох. Бояре держали в палатах митрополита совет. Особенно трудно приходилось воеводе. Он уже посвятил во все дела на случай своей смерти старшего сына Бориса, показал ему все казенные бумаги, дал нужные наставления.

Воевода хорошо понимал, что между астраханскими стрельцами существует тайное расположение к Стеньке Разину, но ничего не мог поделать—стрельцы мало зависели от воевод: воеводы не смели ими распоряжаться без согласия стрелецких голов, по указу самого царя. А угрюмые лица их вещали недоброе; перестали они уже снимать при встрече с воеводою шапки и провожали князей Прозоровских насмешливыми улыбками и нередко открыто бранили бояр...

Уныло было в городе в эти дни. Все понимали, что воевода не верит в спасение Астрахани и только для очистки совести посылает в Москву гонца за подкреплением, да и знал воевода, что все равно не успеет гонец добраться до Москвы: степью пробраться нельзя было,—там дрались калмыки с татарами,—пришлось идти кружно через терские земли. Нечего было ждать низовьям Волги помощи от правительства, когда сообщенье с верховьями было прервано, а у Стеньки набралось до 8.000 человек.

Наконец и Черный Яр был взят. В посланном из Астрахани против казаков войске поселилась гиль [1]), и, когда оно столкнулось под Черным Яром со Стенькой Разиным, на всех судах вспыхнул мятеж: астраханцы отказа-

[1]) Мятеж.

лись повиноваться своему начальнику князю Львову и передались на сторону атамана. Всех стрелецких голов утопили, всех сотников и дворян перебили; оставлен был лишь почему-то один князь Львов.

Теперь очередь шла за Астраханью. Нашлись друзья, которые говорили Стеньке:

— В Астрахани свои люди; как придешь,—тебе городок сейчас и сдадут.

И вот дошла весть, что Стенька уже под городом; ватаги его расположились на урочище Жареных Буграх.

Воевода тотчас же приказал собраться на Солончаке землекопам. День и ночь должны они были копать ров от прудов митрополита, чтобы превратить Астрахань в остров, недоступный с юга так же, как и с севера.

А потом зажгли татарскую слободку. Скрипели арбы; татары покидали насиженные места... А сзади них пылала деревня, превращались в пепел убогие домишки.

Вечером воевода говорил стрельцам слезную речь и просил их крепко держаться.

Утро встало ясное и жуткое. Солнце осветило унылое пепелище татарской деревни. Стало опять жарко, и астраханцы ходили по городу, как сонные мухи, и напряженно ждали.

К вечеру колокола забили сполох: со сторожевых башен разглядели, что на Астрахань движется туча казаков с лестницами.

У Вознесенских ворот собралась толпа. Ржали кони, трубили трубы, грохотали тулумбасы [1]). То был сигнал к сражению.

Воевода сидел на боевом коне в шлеме и панцыре; рядом с ним ехал его брат князь Михайло; оба они только что попрощались с детьми и благословили их, и у обоих в ушах еще стоял громкий плач женщин.

Семья воеводы в это время собралась в крестовой [2]). Хоромы дрожали от пушечных выстрелов; сквозь них прорывались отчаянные вопли и отрывистые крики команды.

Вдруг ясно прозвучали из вестовой пушки пять выстрелов под-ряд, и вслед за ними задрожали яростные крики,

---

[1]) Старинный военный музыкальный инструмент.
[2]) В молельне, особой комнате в доме для молитвы.

хаос звуков, в котором отчаяние и мольба о помощи мешались с диким злорадством.

— Пришли,—прошептала, поднимаясь с колен и обнимая в смертельном страхе детей, княгиня Прозоровская.

Волна кровавого разгула долетела уже до крестовой... Вдоль улицы далеким эхом звучал крик:

— Ясак на сдачу!.. Сюда, ребята, бей проклятых душегубов, бей!

В крестовую вбежал слуга Прозоровских. Он повторял, как во сне, задыхаясь от рыданий:

— Матушка... княгинюшка... смерть пришла... Пролезли вороги не там, где мы их ждали... наши молодшие люди передались им разом... руки им подавали, через стены пересаживали... спасаться надо... сейчас сюда придут...

Он упал в ноги княгине и заплакал:

— Князь Михайло... преставился... пуля грудь ему пронизала... под стеною лежит... а князя воеводу...

Княгиня обмерла:

— Мертвый?..

— Нет еще, жив, жив он... еле унес его в собор... лежит там на ковре... И вам всем туда идти надобно; народ туда валом-валит: бояре, купцы, дьяки, подьячие,—все туда прячутся, а стрельцы двери стерегут... Народ озверел: вместе с казаками бьет и грабит... соберись с силами...

Княгиня с детьми тайными проулками побежала к собору.

Не прошло и получаса, как казаки с чернью бросились туда же. Стрелецкий пятидесятник Фрол Дура стоял на паперти с ножом, защищая вход в собор.

Раненый в живот, воевода, приподнявшись, тихо исповедывался у митрополита, который трясущимися руками крестил его; княгиня с детьми беззвучно плакали в углу. А в дверь церкви колотили громадными бревнами... И вот подались двери, ворвались в храм казаки гурьбою, и Дура пал, изрубленный в куски...

Через железную решетку казаки стреляли во внутренность церкви... Потом рухнула сломанная решетка...

Воеводу унесли под раскат. Вокруг него уже успела набежать из раны лужица крови. Туда же приводили и

других служилых людей Астрахани со скрученными за спинами руками. Туда же согнали и боярышень. Девушки сидели связанные и горько плакали.

А толпа неслась по улицам, и стон стоял от хриплых криков:

— Бей бояр и боярских детей! Бей купцов! Бей приказных! Гуляй, голь перекатная!

Заломив шапку набекрень, гордо двигался между казаками Стенька Разин и, ходя между рядами пленных, чинил суд и расправу.

— О девках после скажу,—крикнул он зычно, даже не взглянув на связанных боярышень.—Ладно им будет: не долго в девках насидятся.

И засмеялся, и со смехом подошел к воеводе, взял его за руку и, молча, подняв его на ноги, повел наверх, где висели колокола. И между темными, низко спущенными языками колоколов мелькнула поседевшая за несколько часов голова князя. Оба молчали: атаман и воевода. Потом снизу увидели, как Стенька что-то сказал, наклонясь к самому уху князя, но тот покачал головою... Стенька протянул руку и резким движением толкнул князя с раската...

Лицо Стеньки было спокойно, когда он сошел вниз и крикнул коротко, даже не взглянув на связанных:

— Всех бить, только девок оставить

Четыреста сорок тел валялось на площади. То были казненные Стенькою и между ними воевода.

— Всем одна честь,—говорил атаман.—В одну могилу, без различия звания!..

Он смеялся, и страшен был этот смех, и страшно было смотреть на него, когда он так спокойно шагал через трупы. Дивную шутку сыграла жизнь над этим могучим, былинным богатырем, героем народных сказаний и песен. Громадной душевной мощью наделила его природа, и громадная любовь к ближнему, к обездоленному брату жила в душе его рядом с ненавистью к угнетателям. Всей душой хотел он добра «своим детям», мечтал создать новую Русь, Русь свободную и счастливую, и меньше всего думал о своем собственном благополучии. Он был бескорыстен и не щадил себя для других, и в этом лежит оправдание его жесто-

кости. Душа этого человека была не чужда великодушных порывов,—он раздавал все, что имел, неимущим, заступался за сирот, пригревал обездоленных... Но было в нем что-то стихийное, принявшее уродливые формы; разгульная натура часто порабощала Стеньку и губила в нем хорошие порывы. Могучая душа рвалась вперед, жаждала удали, великих подвигов. Но, завидев кровь, Разин становился зверем и не знал пощады ни правому, ни виноватому. Не было в нем меры, а может-быть слишком глубоко таилась в сердце его ненависть к боярству, так долго угнетавшему простой народ...

Без жалости чинил Стенька суд и расправу в Астрахани.

— В Троицкий монастырь всех несите,—распоряжался он, показывая на тела, а потом повернулся к плачущим боярышням.—А этих поделите между нашими холостыми парнями. Делитесь уж сами, да не деритесь из-за краль. Попам прикажу,—повенчают холопов с боярышнями. А воеводе не сметь копать отдельной могилы,—и так хорош будет!

Тут же на площади, по приказанию атамана, жгли казенные бумаги. Стенька смотрел на пламя и смеялся:

— Вот так я сожгу все дела на верху у государя!

А казаки в это время громили торговые дворы, которых в Астрахани насчитывалось не мало; разгромили русский двор, индийский, шлянский, бухарский; товары свозили в Ямгурчеев городок и там дуванили между собою, а потом Стенька занялся устройством Астрахани. Тут же астраханцы получили числовое отделение, общее всем казакам: тысячи, сотни и десятки должны были правиться кругом, или народным собранием, управляться атаманами, эсаулами, сотниками и десятниками.

На поле за городом уже собрались священники с крестами в дрожащих от страха руках. Толпа хлынула из городских ворот, заполняя поле; бледные руки с крестами высоко поднимались, и перепуганное духовенство приводило новое казачество к крестному целованию в верности московскому царю и атаману Степану Тимофеевичу; присягали все войску служить и выводить изменников с Руси.

А когда кончилось крестное целование, началась попойка. День и ночь пили казаки, а больше всех пил атаман.

Не знали астраханцы предела буйному разгулу и своей злобе на тех, кто раньше ими правил... В этом разгуле сказалась вся широкая, беспредельная русская натура; в этом разгуле топил порабощенный народ все свои слезы и обиды, и часто жестока была его расправа. Страшен был Стенька в эти кровавые дни. Как вестник смерти и нечеловеческой муки, как слепое орудие мести, скакал он по городу на богато разукрашенном коне, окруженный пьяной толпою, сам едва держась в седле. Толпа надрывалась от крика:

— Бей, бей лиходеев, мучителей; пусть им отольются наши слезы!

И слезы отливались... Три недели пробыл Стенька в Астрахани, и каждый день кого-нибудь казнил в угоду толпе. Били без суда и правого и виноватого, били всякого, на кого в пьяной злобе указывал кто-нибудь из астраханской черни.

Вряд ли в этот момент кровавого разгула Разин сознавал, что делает...

IV.

Слава о могучем атамане Степане Тимофеевиче, покорявшем без труда города, катилась по всей Руси широко, как волны реки, носившей на своем хребте белые струги Разина.

Смела была мысль ниспровергнуть старый уклад с произволом правления, со всяким тяглом и поборами, и заменить его новым порядком казацкой вольницы, для всех равным, выборным, общенародным, и на призыв Стеньки отозвались самые глухие уголки русских городов, деревень и посадов, истомившиеся под непосильным ярмом. Затея его давала возможность разгуляться и развернуть свои силы русской удали. Заманчива была бродячая жизнь с набегами; заманчива была вечная опасность, воля и богатство, неожиданно поступавшее в руки казаков.

Уже все пространство между Окою и Волгою на юг до саратовских степей, а на восток до Казани и Воронежа

было в огне восстания. Без сопротивления сдался Стеньке Саратов, а за ним и Самара. Восстание разлилось по всей полосе, занимающей нынешние губернии: Симбирскую, Пензенскую и Тамбовскую. У всех на устах было имя батюшки Степана Тимофеевича; в его счастье слепо верили; о нем думали и говорили с каким-то суеверным страхом.

Стенька делал все, чтобы завоевать любовь народную. Знал он, как крепко ненавидит народ бояр, дворян и приказных людей, и направлял исключительно против них свои удары, не касаясь личности царя, который в глазах народа того времени был божий помазанник. Чтобы окончательно завоевать симпатию темного простого люда, он распустил слух, будто везет на своих стругах царевича Алексея и патриарха Никона, и показывал всем два струга: один—царский, крытый красным бархатом, другой—патриарший, крытый черным. На самом деле царевича Алексея в то время уже не было в живых, а властный патриарх Никон, лишенный сана за попытку поставить патриаршую власть выше царской, жил в ссылке.

Казаки говорили, что мнимый царевич приказывает всех бояр, думных людей и дворян, и владельцев-помещиков, и воевод, и приказных людей искоренить, потому что они все изменники и народные мучители, а когда он воцарится, то будет всем воля и равенство.

Народное возбуждение все росло; твердо шли к цели казаки, ничем не брезговали: они возбудили инородцев против русских—притеснителей; потом пытался Стенька призвать на Русь и опустошительные орды крымского хана и писал даже персидскому шаху, предлагая ему вступить в союз с казаками. Но шах казнил посланных; он еще не забыл набегов Разина по Каспийскому побережью.

Рука об руку со Стенькою шел Данило Черный.

Долгое томительное время прошло с того дня, как Черный в первый раз привел свою названную сестру Анну в скит на берегу Керженки, среди елового леса, в глубине непроходимых топей и болот.

Терпеливо ждала Анна, когда вернется за ней Данило, когда наступит на Руси мир, когда атаман Степан Тимо-

феевич полонит всю землю русскую, и кротко исполняла все приказания игуменьи и монахинь.

В скит приходили странники и странницы и рассказывали о казачьих набегах. Осень принесла Анне весть о разорении Царицына, Камышина и Астрахани, Самары и Саратова. Победно шел Стенька вдоль Волги.

Но настал день, когда сердце Анны дрогнуло смертельным страхом. Она прислуживала в келье игуменьи, у которой собрались гости. Один из странников высоким резким голосом говорил:

— И вот, честная мать игуменья, двинулись казаки под город Симбирск; били им челом симбирцы и ворота им открыли; выпустил Степан Тимофеевич из тюрьмы убогих людей, а после... Господи, что было после!.. Пришел на подмогу к Милославскому, воеводе симбирскому, князь Барятинский из Казани, и... все пошло прахом... Не обучены были наши мужички симбирские драться и с учеными воинами царскими не сладили. Весь день дрались люди, и много их полегло... Все глядели на Степана Тимофеевича, а он, знай себе, сабелкой помахивает... Да и его, верно, худые люди обошли, аль заяц перебежал ему дорогу, аль след его вынули,—ворогов да пустых людей не мало... Ведь раньше не брала его никакая пуля, а тут ударили его саблей в голову, а после и ногу прострелили...

Анна побелела, как снег, и, шатаясь, схватилась за косяк двери.

— Ушел батюшка наш от Симбирска,—продолжал странник:—недостойны симбирцы были его принять—верно, согрешили своим помыслом,—ночью ушел со всеми казаками. Не одолеть ему стало проклятого ворога. А на утро все симбирцы повинились воеводе, и наставил он не мало там виселиц...

Анна выбежала в сени и до утра плакала и молилась об атамане казачьем, удалом Разине, и о друге его, молодом Даниле Черном.

Через несколько дней сам Стенька показался недалеко от скита керженского в большом приволжском селе Лыскове. Его приняли там с почетом, несмотря на роковое поражение под Симбирском.

*

Настали страшные дни для всей окрестности Керженца; казаки осаждали Желтоводскую обитель, которая упорно оставалась верна правительству. Окрестные крестьяне, до полуторы тысяч душ, да тридцать странников-богомольцев помогали осажденной обители: тушили пожар, образовавшийся от того, что казаки обложили стены соломой и зажгли ее; лили на головы осаждавших вар; даже женщин видели на стенах.

Но обитель не могла долго держаться, и архимандри с братией бежал, оставив богатства монастыря на произвол судьбы. А сокровищ было здесь не мало: многие богатые люди хранили в монастырях свое добро, и в обители Желтоводской имелось не мало товаров, что принесли купцы для безопасности под кров и защиту св. Макарию, покровителю Желтоводской обители. Казаки все богатства эти между собою передуванили...

Но их ожидала кровавая месть. 22 октября явился князь Щербаков, посланный князем Долгоруким; чинил князь Щербаков суд и расправу и разметал казачьи отряды... Не мало из убежавших казаков нашло свою смерть в непроходимых лесах... Так они и не успели овладеть Нижним Новгородом, к которому держали путь...

Коротка была расправа с провинившимися: одним рубили головы, других вешали, третьих секли кнутом. Тех, кто выдерживал пытку, сажали в тюрьмы. Пото воеводы и начальники поделили их между собою, как военнопленных, а военнопленный делался вековечны холопом того, кто его взял на поле брани.

Такой неудачный поворот приняло народное дел Стеньки Разина. Стихийно было появление этого богатыр русской земли; стихийно действовал он на сознание народной массы, но дело рухнуло само собой, потому что сред восставших не было ни согласия, ни сколько-нибудь порядочной организации. Темен был русский народ и как легк подымался против своих угнетателей, так при первой ж неудаче просыпалась его вековая забитость, и шел он согнутой виновато шеей в еще худшую кабалу...

Поражение Стеньки Разина под Симбирском явилось началом целого ряда неудач для казаков. Легендарная слава

непобедимости «Стеньки-колдуна», отца обиженных и обездоленных, отмеченного божиим перстом, сильно поколебалась в глазах его приверженцев; в войске казачьем начался ропот.

Остатки разбитого казачьего ополчения еще делали свое дело в Соловках. Здесь их приняли с распростертыми объятиями.

Стенька Разин быстро летел под гору. Не ждал он, не гадал, что настанет день, когда патриарх предаст его всенародно анафеме; не ждал он, что народ, ради счастья которого он не боялся жертвовать жизнью, назовет его вором-грабителем; не ждал он, что те, кому он безгранично верил, перейдут на сторону воевод.

Симбирск был могилою для Стеньки Разина. Он чувствовал, что здесь настал конец его безграничному влиянию на окружающих, и бросил им же возбужденную чернь. Ни самарцы, ни саратовцы не дали войти к ним казакам. Изменил Стеньке и родной Дон.

Когда Стенька добрался до Дона, его не впустили в Черкасск. Донской атаман, крестный отец Разина, Корнило Яковлев уже послал в Москву извещение, чтобы скорее прислали царское войско для усмирения мятежников.

14 апреля 1670 года сторонники Яковлева спалили Кагальник и по войсковому суду перевешали всех сообщников Стеньки Разина и сообщников также его семьи. С самим Разиным Корнило вступил в дружеские переговоры:

— Ты в опасности; тебя либо убьют, либо выдадут, крестник. Дело твое пропало. Не можешь ты теперь идти против царя. Принеси-ка лучше повинную и проси помилования. Я получил от великого государя грамоту о том, что он прощает тебя и желает видеть в Москве. Поедем вместе; там ты расскажешь, какие обиды тебя искусили на воровство.

Стенька молчал. Верил ли он этому человеку, который всегда был его врагом? Много раз жизнь Корнилы Яковлева была в руках атамана удалых, но щадил тот его ради седин и родства. Верил ли он теперь своему старому врагу или предвидел за его ласковыми речами обман и хитрость? Бог весть. Скорее всего Стенька устал, невыразимо душевно устал и сам не верил в свою счастливую звезду...

Усмехнулся атаман ласковым речам отца крестного и сказал, чтобы успокоить глуповатого и трусливого брата Фролку:

— Не бойся, брат, нас примут в Москве почестно; самые большие господа выйдут навстречу, чтобы посмотреть на нас.

Не понял Фролка едкой насмешки и приободрился. А Стенька, обернувшись к реке, долго смотрел на ее волны, потом тряхнул кудрями и тихо-тихо вымолвил, так, что никто не мог слышать его слов:

— Не умел Стенька показать, как жить надобно, так покажет он, как надо умирать.

И отдался он с братом в руки Корнилы Яковлева.

На цепи повез их Корнило в Москву, но уверял, что надел ту цепь только для вида, а что на Москве братьев ждет милость царская.

Уныло, гремя цепью, шел по дороге Фрол и с упреком говорил Стеньке:

— Вот это ты виною нашим бедам.

И опять усмехнулся Стенька:

— Никакой беды нет. Нас примут почестно: самые большие господа выйдут навстречу посмотреть на нас.

Стенька не ошибся. Громадная толпа народа встретила его и Фролку за несколько верст до Москвы. Медленно двигались лошади; телега прыгала на ухабах, и сидел на ней атаман волжских удальцов, в лохмотьях, прикованный за шею к перекладине виселицы, за руки и за ноги цепями к телеге. А за ним, на цепи, точно пес, бежал Фролка. Толпа неслась сзади, кричала и атукала Стеньку и Фролку, как зверей, дразнила, издевалась, но Стенька только смеялся.

Тяжелая пытка ждала обоих братьев, но и под пыткою молчал, как кремень, Стенька и, сидя в тюрьме, сложил песню...

Грустный мягкий голос Степана Разина несся сквозь щель-окно и был едва слышен. Звуки выходили тусклые, даже вырываясь из богатырской груди атамана, и разбивались о крепкие стены тюрьмы, как речные волны, родившие их, разбивались о крепкие утесы Жегулевских гор.

Лежа на спине, окровавленный и измученный, Разин пел песню, им самим сложенную:

— Схороните меня, братцы, между трех дорог:
Меж московской, астраханской, славной киевской;
В головах моих поставьте животворный крест,
Во ногах мне положите саблю вострую.
Кто пройдет или проедет, — остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли, моей вострой испужается:
Что лежит тут вор, удалый добрый молодец,
Стенька Разин, Тимофеев по прозванию...

Песня угасла... За оградой стоял сторож. Он утирал слезы и говорил товарищу:

— Ишь, ведь, поет, словно плачет о воле поднебесной, о крутых бережках волжских, о зеленых лесах-дубравушках, о лодочках-плоскодоночках с цветными весельцами, с белыми парусами полотняными!

Тяжела была тюрьма вольному казаку; тяжела была пытка, но он молчал...

Молчал он и тогда, когда вели его на казнь и когда, после прочтения приговора, палач взял его под руки. Тогда обернулся он лицом к церкви Покрова Богородицы [1]), перекрестился, поклонился на все четыре стороны и сказал замершей толпе:

— «Простите!»

Его ждала страшная казнь: четвертование. И ни одного стона не вырвалось у Стеньки Разина. Испугался Фролка крови и крикнул не своим голосом:

— Я знаю слово государево!

Этой уловкою хотел он вымолить себе прощение.

— Молчи, собака!—с презрением окликнул брата Стенька, и голова его скатилась на помост...

Фролке казнь была заменена вечным заключением за то, что он обещал показать, где лежат сокровища, награбленные братом, и какие-то важные бумаги. Конечно, их нигде не нашли, но Фролке все-таки жизнь подарили.

Остатки сторонников Стеньки Разина вернулись в Астрахань и поступили на службу в царское войско. Но,

---

[1]) Василия Блаженного.

несмотря на покорность, в них продолжала крепко жить память о могучем волжском атамане, и эта память сохранилась до сих пор в задушевной песне, распеваемой на Дону и на Волге:

Помутился славный тихий Дон
От Черкасска до Черного моря...
Помешался весь казачий круг:
Атамана боле нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина...
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову!

До сих пор народная память сохранила образ грозного Стеньки Разина. На берегах Волги повсюду встречаются урочища с его именем. В одном месте холм называется «Столом Стеньки Разина»; говорят, будто там он обедал с товарищами; в другом месте, говорят, атаман оставил свою шапку, и потому холм называется «Шапкой Стеньки Разина». Показывают также поросшее лесом ущелье—«Тюрьму Стеньки Разина», куда он сажал будто бы в подземелья бояр. По берегу Волги, возле Камышина и Царицына, тянется целый ряд холмов, называемых «Буграми Стеньки Разина»; говорят, что там видны были железные двери, за которыми хранил свои сокровища атаман казачьей вольницы... да мало ли что еще говорят!

